

Х. Арендт

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ КАНТА:
КУРС ЛЕКЦИЙ

Лекция тринадцатая¹

Мы завершаем теперь наше обсуждение общего чувства в его особом, кантовском понимании, согласно которому общее чувство есть общественное чувство — *sensus communis*, в отличие от *sensus privatus*. Данное *sensus communis* есть то, к чему обращено любое наше суждение, и именно это возможное обращение придает суждениям их специфическую значимость. Чувство удовольствия/неудовольствия, кажущееся чувством совершенно личным и несообщаемым, на самом деле укоренено в этом чувстве общности и поэтому, будучи преобразованным рефлексией, учитывающей всех остальных и их чувства, открыто для коммуникации. Значимость этих суждений никогда не сравнится со значимостью когнитивных или научных высказываний, которые, собственно говоря, и не являются суждениями. (Говоря «небо голубое» или «дважды два четыре», мы не выносим «суждение»; мы лишь высказываемся о том, что есть, принуждаемые к этому свидетельствами либо наших чувств, либо разума.) Аналогичным образом мы не можем никого и никогда заставить согласиться с нашими суждениями — «это красиво» или «это неверно» (Кант не считает моральные суждения результатом рефлексии или воображения, поэтому суждениями они, строго говоря, не являются); можно лишь «добиваться» или «искать» согласия остальных. Но в попытке убедить других мы обращаемся, по сути, к «чувству сообщества». Иными словами, когда мы выносим суждение, то действуем как члены определенного сообщества. Это складывается именно «по

¹ Продолжение, начало см. в Кантовском сборнике: 2009. 1(29). С. 122–128; 2009. 2(30). С. 126–132; 2010. 1(31). С. 112–117; 2010. 2(32). С. 109–113; 2010. 3(33). С. 113–119; 2010. 4(34). С. 80–86; 2011. 1(35). С. 98–103; 2011. 2(36). С. 90–94; 2011. 3(37). С. 98–104; 2011. 4(38). С. 106–112 и 2012. 1(39). С. 84–90.

Перевод с английского выполнен по изданию: *Arendt H. Lectures on Kant's Political philosophy / edited and with an interpretative essay by Ronald Beiner. Chicago, 1982* — и сверен по немецкому изданию: *Arendt H. Das Urteilen. Texte zu Kants politische Philosophie / herausgegeben und mit einem Essay von Ronald Beiner; aus dem Amerikanischem von Ursula Ludz. München : R. Piper, 1985.*

Все примечания к данному тексту принадлежат переводчику.

самой природе способности суждения (правильное применение которой столь необходимо и столь повсеместно требуется, что под наименованием здравого рассудка имеют в виду именно эту способность)» [2, с. 8].

Критика способности суждения § 41 «Об эмпирическом интересе к прекрасному»

Обратимся теперь кратко к § 41 «Критики способности суждения». Мы видели, что «широкий образ мысли» является *sine qua non*² и правильного суждения; чувство общности позволяет сделать наш образ мысли более широким. С негативной точки зрения это означает, что можно выйти за рамки частных условий и обстоятельств, которые, поскольку это касается суждения, ограничивают его и препятствуют его осуществлению. Частные обстоятельства обуславливают нас; воображение и рефлексия позволяют нам *освободиться* от них и достичь той относительной беспристрастности, которая выступает специфическим свойством суждения. Чем менее своеобразен вкус, тем лучше он может быть сообщен; и вновь сообщаемость предстает в роли «краеугольного камня». Беспристрастность у Канта называется «незаинтересованностью», например: незаинтересованное восхищение прекрасным. Незаинтересованность на самом деле подразумевается самими словами «прекрасный» и «безобразный», в отличие от слов «правильный» и «неправильный». Поэтому если в § 41 говорится об «интересе к прекрасному», то на самом деле речь идет об «интересе» в незаинтересованности. Интерес здесь указывает на полезность. Если посмотреть на природу, то найдется немало природных объектов, к которым мы проявляем непосредственный интерес, поскольку эти объекты необходимы для жизненного процесса. Проблема, в представлении Канта, заключается в чрезмерном изобилии природы; существует множество вещей, в буквальном смысле бесполезных, но при этом прекрасных внешне, таких как, например, кристаллы. Поскольку мы называем нечто прекрасным, мы получаем «удовольствие от его существования», именно это и есть то, «в чем и состоит всякий интерес». В одном из своих размышлений в черновых заметках Кант отмечает, что прекрасное учит нас «любви без корысти [*Ohne Eigen-nutz*].» И своеобразной характерной особенностью этого интереса является то, что он возникает «только в обществе»:

...если считать влечение к обществу естественным для человека, а умение и желание выразить его, то есть *общительность*, — необходимым для человека свойством в качестве предназначенного для общества существа, следовательно, присущим человеческому роду, то и вкус неизбежно будет рассматриваться как способность суждения обо всем том, посредством чего можно сообщить другому даже свое чувство, то есть как средство, способствующее тому, чего требует природная склонность каждого человека [2, с. 137].

В работе «Предполагаемое начало человеческой истории» Кант утверждает, что общительность — «величайш[ая] цел[ь] человеческого предназначения» [4, с. 73], из чего получается, что общительность и есть конечная цель развития цивилизации. Однако приведенные цитаты скорее, напротив, свидетельствуют о том, что общительность — начало, а не цель; то есть

² Непременным условием (лат.).

мы обнаруживаем, что общительность является сущностью людей в той мере, в какой они принадлежат лишь к данному миру. Это радикальный отход от всех теорий, понимающих взаимозависимость людей друг от друга как зависимость ради удовлетворения потребностей и желаний. Кант подчеркивает, что по крайней мере одна из наших *умственных способностей*, способность суждения, предполагает наличие других людей. И эта умственная способность — не только то, что мы в терминологическом аспекте называем суждением; с ней связано представление, что «чувства и эмоции [*Empfindungen*] ценны лишь постольку, поскольку они могут быть сообщены другим людям», то есть, по сути, весь наш душевный аппарат теснейшим образом связан с суждением. Сообщаемость, очевидно, зависит от «широкого образа мысли»; мы можем сообщить что-либо, только если способны думать с точки зрения другого человека; в противном случае мы так никогда и не сможем вступить в контакт с ним, никогда не сможем сказать так, чтобы другой нас понял. Сообщая о своих чувствах, о своих радостях и незаинтересованном восхищении, мы тем самым заявляем о своем выборе и находим себе компанию: «Я охотнее готов заблуждаться вместе с Платоном, чем разделять истину с [пифагорейцами]» [5, с. 221]. Наконец, чем шире круг людей, кому направляется сообщение, тем большую ценность представляет его объект:

...хотя удовольствие, испытываемое каждым от такого предмета, лишь незначительно [пока о нем не сообщили] и само по себе не представляет большого интереса, однако идея о его всеобщей сообщаемости почти беспрельдно увеличивает ценность этого удовольствия [2, с. 138].

Здесь «Критика способности суждения» легко вписывается в кантовские размышления об объединенном человечестве, живущем в вечном мире. В вопросе об отмене войны интерес Канта, превращая его в странного пацифиста, направлен не на возможности устранения конфликта и даже не на устранение жестокости, кровопролития и зверств войны. Кант даже иногда неохотно заключает (неохотно, потому что люди могут превратиться в овец; есть что-то возвышенное в том, чтобы пожертвовать своей жизнью; и т.д.), что это является необходимым условием для максимально возможного расширения широкого образа мысли:

[Если] каждый ждет и требует также общего внимания к своим сообщениям, как будто основываясь на некоем первоначальном договоре, продиктованном самим человечеством [2, с. 138].

Этот договор, согласно Канту, — чистая идея, не только регулирующая наши размышления по данным вопросам, но и реально вдохновляющая нас на действия. Именно в силу такой идеи человечества, присутствующей в каждом отдельном человеке, люди человечны; и их можно признать в той степени цивилизованными, или человеческими, в какой данная идея становится не только принципом их суждений, но и принципом их действий. Именно в этой точке происходит объединение актера и зрителя; максима актера и максима, ориентирующая зритель, согласно которому зритель судит спектакль происходящего в мире, становятся одним целым. Так сказать, категорический императив для действия мог бы быть сформулирован следующим образом: поступай только согласно той максиме, руководствуясь которой, ты

в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом. Именно с этой точки зрения, а не из любви к миру был написан трактат «К вечному миру», сформулированы «Прелиминарные статьи» первого раздела и «Окончательные статьи» второго. Из шести прелиминарных (предварительных) статей наиболее важной, а также наиболее оригинальной представляется последняя, шестая, которая гласит:

Ни одно государство во время войны с другим не должно прибегать к таким враждебным действиям, которые сделали бы невозможным взаимное доверие в будущем [1, с. 10].

Что касается окончательных статей, именно третья напрямую вытекает из понятий общительности и сообщаемости:

Всемирно-гражданское право должно быть ограничено условиями всеобщего радушия [1, с. 23].

Если подобный первоначальный договор существует, то «право временного пребывания, право присоединения» является одним из неотъемлемых прав человека:

[В] силу права общего владения земной поверхностью, на которой, как на поверхности шара, люди не могут рассеяться до бесконечности и поэтому должны терпеть соседство других; [потому что] никто не имеет большего права, чем другой, на существование в данном месте земли... [Все это может доказать тот отрицательный факт], что нарушение права в одном месте чувствуется во всех других, [отсюда Кант заключает, что] идея права всемирного гражданства не является фантастическим или нелепым представлением о праве [1, с. 23–24; 26].

Вернемся к тому, о чем мы говорили ранее: каждый судит всегда как член общества, ведомый чувством сообщества, своим *sensus communis*. Однако в конечном счете человек является частью всемирного сообщества уже на основании самого своего бытия человеком; это основа возможности его «всемирно-гражданского существования». Когда человек выносит суждение и когда действует в политической сфере, ему необходимо ориентироваться на идею (а не на действительность) бытия гражданином мира и тем самым также в качестве зрителя мира [*Weltbetrachter*].

В заключение я постараюсь прояснить некоторые трудности. Главная сложность в суждении — это «способность мыслить особенное» [2, с. 19]; однако *думать* — значит обобщать; следовательно, суждение — это способность таинственным образом соединять частное и общее. Это сравнительно просто, если общее дано — в виде правила, принципа, закона, — то есть способности суждения остается лишь подвести особенное под заранее указанное общее. Сложностей становится больше, «если... дано только особенное, для которого способность суждения должна найти общее» [2, с. 19], поскольку такой принцип не может быть заимствован из опыта и не может быть получен извне. Я не могу судить одно частное, основываясь при этом на другом частном. Для определения их значимости мне нужно нечто третье (*tertium quid*), или третий член сравнения (*tertium comparationis*) — нечто, что было бы связано с обоими этими частными и все же отличалось от них. У Канта мы находим сразу два совершенно различных способа решения этой сложности:

В качестве истинного *tertium comparationis* у Канта обнаруживаются две идеи, над которыми нужно размышлять, чтобы затем прийти к суждению. Первая идея встречается в политических сочинениях и в отдельных местах «Критики способности суждения» — это идея первоначального договора человечества как целого, из которой выводится понятие человечности, то есть того, что действительно составляет человеческое в людях, живущих и умирающих в этом мире, на этом земном шаре, который они сообща населяют, которым совместно владеют в последовательности поколений. В «Критике способности суждения» также встречается идея целесообразности. Каждый объект, говорит Кант, как нечто особенное, нуждающееся в основании своей действительности и содержащее его в себе, имеет цель. Единственные объекты, кажущиеся бесцельными, — это, с одной стороны, эстетические объекты, а с другой — люди. Нельзя спросить о них — *quid ad finem?* — для какой цели? — поскольку они действительно ни для чего не нужны. Но мы видели, что бесцельные предметы искусства, как и кажущееся бесцельным природное разнообразие, имеет «цель» в том, чтобы нравиться людям, давая им возможность чувствовать себя в этом мире дома. Доказать это невозможно; но целесообразность — это идея, с помощью которой следует регулировать свои размышления при вынесении рефлектирующих суждений.

Вторым и, на мой взгляд, представляющим гораздо большую ценность решением у Канта является значимость образцов («примеры суть подпорки для способности суждения») [3, с. 154]. Давайте посмотрим, о чем идет речь. Каждый конкретный объект, например стол, выражается посредством соответствующего понятия, благодаря которому мы идентифицируем стол в качестве стола. Это понятие может представляться в виде «платоновской» идеи либо кантовской схемы, то есть мы представляем в уме схематичный или чисто *формальный* образ стола, которому так или иначе должен соответствовать любой стол. Либо наоборот: на основании множества увиденных в течение жизни столов мы отделяем их от всех вторичных качеств, в итоге получаем «стол вообще», обладающий минимальным набором свойств, присущих всем столам: *абстрактный стол*. Остается еще одна возможность, и это составляет основу суждений, которые не являются формой познания. Можно увидеть или представить себе какой-нибудь стол, о котором будем судить как о лучшем столе из всех возможных, и взять этот стол в качестве примера того, как на самом деле должны выглядеть столы: *образцовый стол* (слово «example» (пример) происходит от *eximere* — выделять что-то особенное). Данный образец есть и остается частным, обнаруживая в самой своей особенности общность, иначе не определяемую. Образец храбрости — Ахилл. И так далее.

Мы говорили о пристрастности актера, который в силу своей вовлеченности в действие никогда не видит значения целого. Это верно для всех историй. Гегель совершенно прав, что философия, как и сова Минервы, расправляет крылья на исходе дня, с наступлением сумерек. Это неверно, однако, в отношении прекрасного или любого поступка как такового. В кантовской терминологии, прекрасное — цель сама по себе, потому что все его возможные смыслы заключены в нем самом без ссылки на другое — по сути, без связи с другими прекрасными вещами. У самого Канта здесь имеется противоречие: закон человеческого рода — Бесконечный Прогресс; но в то же время достоинство человека требует, чтобы он (каждый из

нас в отдельности) воспринимался в своей индивидуальной особенности и как таковой — без всяких сравнений и вне зависимости от времени — как воплощение человечества в целом. Иными словами, сама идея прогресса, если он являет собой нечто большее, чем изменение обстоятельств и улучшение мира, противоречит кантовскому понятию достоинства человека. Вера в прогресс вступает в противоречие с достоинством человека. Прогресс, кроме того, означает, что история не имеет конца. Сам по себе конец истории заключается в бесконечности. Не существует точки, на которой мы могли бы остановиться и окинуть прошлое ретроспективным взглядом историка.

Перевод с англ. А. Н. Саликова

Список литературы

1. *Кант И.* К вечному миру // И. Кант. Сочинения : в 8 т. Т. 7. М. : Чоро, 1994. С. 5–56.
2. *Кант И.* Критика способности суждения // Там же. Т. 5.
3. *Кант И.* Критика чистого разума // Там же. Т. 3.
4. *Кант И.* Предполагаемое начало человеческой истории // Там же. Т. 8. С. 72–88.
5. *Цицерон.* Тускуланские беседы. Кн. 1 // Марк Туллий Цицерон. Избранные сочинения / пер. с лат. и коммен. М.Л. Гаспарова. М. : Художественная литература, 1975.

О переводчике

Саликов Алексей Николаевич — канд. филос. наук, заместитель директора Института Канта Балтийского федерального университета им. И. Канта, salikov123@mail.ru

About translator

Dr. Alexei N. Salikov, deputy director, Kant Institute, Immanuel Kant Baltic Federal University, salikov123@mail.ru